

УДК 1(091)

СПЕЦИФИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ П. РИКЁРА

А.В. Ташкин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализируется нарративная теория П. Рикёра, созданная им модель исторического рассказа. Предпринимается попытка выявить особенности понимания им процесса создания истории от анализа архивных свидетельств до презентации трудов историков. Показано, что реконструкция прошлого в рамках истории как профессиональной дисциплины понимается им как целенаправленная деятельность, нацеленная на самоидентификацию социального сообщества, а также на сохранение и постоянное обновление накопленного исторического опыта.

Ключевые слова: *эпистемология истории, историографическая операция, mimesis, mythos, исторический рассказ, память, хронософия, исторический опыт, нарратив.*

Рассмотрев взаимосвязь коллективной памяти и исторического опыта, П. Рикёр продолжает исследовать развитие последнего в рамках нарратива. Проблема нарративности является центральной при рассмотрении философом особенностей исторического познания [9]. Именно повествование репрезентирует результаты исторических изысканий. При этом возникает зависимость научной истории от её литературного выражения. В самом деле, чем исторический рассказ отличается от художественного, если оба они рассказывают? Так, по мысли исследователя, формулируется основная трудность.

Создатели исторического повествования – чаще всего, профессиональные историки, что определяет его претензию на правдивость. Французский автор стремится дать аргументированный ответ на вопрос: оправдана ли она? В своём исследовании эпистемологии истории философ стремится решить несколько задач. Первая из них – представить логически ясную модель исторического рассказа, которая будет общей для всех вариантов его построения. Вторая – выявить существенные отличия исторического нарратива от художественного повествования.

Рикёр как исследователь, с одной стороны, говорит о взаимосвязи явлений памяти и истории, с другой – пишет о необходимости достижения последней своей обособленности. Автономность нужна «для обоснования последовательной эпистемологии истории как научной и литературной дисциплины» [там же, с. 190]. Помимо этого, история обладает своими особенностями, что делает её во многом самостоятельной сферой, не сводимой к явлениям памяти. При помощи платоновского

«Федра» философ даже усложняет дело и пытается понять: вред или пользу по отношению к памяти несёт историописание.

Научное познание истории Рикёр представляет как историографическую операцию и делит её на три фазы. Это документирование и занесение в архивы, объяснение/понимание, а также историческая репрезентация. Термин «фаза» он заимствует у М. де Серто. Данное понятие призвано подчеркнуть отсутствие чёткой иерархии между ними, так как каждый этап несёт в себе элементы другого.

Своё исследование Рикёр начинает с документальной фазы. В ней временной опыт, пройдя через память, обретает форму письменного свидетельства. Указанное письмо выступает как внешняя опора памяти, защищающее воспоминание от забвения и является потенциальным объектом архивирования. Целенаправленное создание архива имеет большое значение для человека и культуры. Оно несёт будущим поколениям память о своих предках, тем самым формирует идентичность сообщества.

Архивация свидетельств служит фундаментальной основой для создания исторического повествования. Все мыслительные операции в рамках нарратива, так или иначе, обращаются к этому моменту. Происходит фиксация изначального временного опыта человека. Первая фаза важна ещё и потому, что формирующийся исторический опыт вступает на территорию письма, без которого трудно представить его включение в текущую жизнь и возможность последующего переустройства исторической наукой.

Документ, как и воспоминание, имеет локализацию в географическом пространстве и датировку во времени. Кроме этого, существуют время и пространство самого события, описанного автором свидетельства. Проявляет себя особенность, которую мы встретим затем в историческом повествовании. Время и пространство документа конструируются. Время – за счёт сосредоточения на определённом временном отрезке, пространство – за счёт фокусировки на определённой географической части. Таким образом, места памяти получают свою постоянную «прописку». Время и пространство свидетельства заметно отличаются от тех же категорий живого опыта, прежде всего, своей завершенностью и ограниченностью.

Можно выделить ещё одну особенность, возникающую за счёт фиксации опыта. Время и пространство текущей жизни являются населёнными и проживаемыми. Даже если это записки первопроходца, впервые открывшего новые земли, то с момента открытия они уже считаются обитаемыми. Мир свидетельства – человеческий мир.

Соединяясь в архиве, свидетельства образуют систему географических мест и временных отрезков. Более того, на один и тот же момент времени порой приходится несколько свидетельств. Затем все они соединяются в изложении историка, исследующего определённое событие. Так создаётся историческое время.

Вопрос времени (космического, календарного, исторического и т. д.) для Рикёра является постоянным предметом исследования [8, с. 15–41]. Французский философ характеризует время через систему координат хронологии, хронографии, хронософии и хронометрии. На историю накладывает отпечаток хронологический способ упорядочивать время, который изобрела человеческая культура. К ключевым моментам здесь относятся: сопоставление всех событий с выбранным основополагающим событием, прохождение временных отрезков в противоположных направлениях, предшествующих и последующих относительно начальной даты, принятие системы обозначения повторяющихся интервалов времени (час, день, месяц, год и т. д.). Однако простое перечисление событий в определённом порядке ещё не делает их историей. Для этого необходимо их вплетение в ткань исторического рассказа.

Научная история также испытывает влияние хронософии – делений истории, сформированных в различные эпохи под влиянием религии, культуры, политики и т. п. К таковым относятся периодизации, принятые исламом и христианством.

По мнению французского философа, познание истории основано на следующих моментах: «Историографическая процедура проистекает из двойной редукции: редукции живого опыта памяти, но также и редукции насчитывающих многие тысячелетия спекулятивных представлений о временном порядке» [9, с. 23]. Примечательная особенность большинства представлений о времени его непрерывность в трудах историков, путь от начальной точки к некому логическому завершению. Большинство хронософий носят именно такой характер, например христианская. Но в истории случались события, означавшие разрыв с прошлым. Повествование о них проникнуто прерывностью времени. К таковым относятся Великая Французская революция или Революции 1917 г. в России.

Категория прерывности присутствует не только во времени. Под её атакой находится идея глобальной или всемирной истории, занимавшая умы историков со времён Полибия. Такая конструкция всё больше распадается на историю отдельных стран, историю культуры, философии, дипломатии, войн, повседневности, микро- и макроисторию и т. д. Что это как не прерывность единого исторического пространства? Каждое из таких направлений диктует свой подход, методологию, понятийный набор. В данном вопросе Рикёр опирается на идею прерывного М. Фуко: «Это общее понятие прерывности достаточно парадоксально, поскольку одновременно является и инструментом и объектом исследования; оно разграничивает поле, следствием которого само и является; оно позволяет индивидуализировать области, однако обнаружить его можно только путём их сравнения» [12, с. 46]. Возникает парадокс. При всей разобщённости исторического знания, разделении или лучше сказать прерывании на отдельные направления, история как научная и учебная дисциплина обладает неким единством. Но рассмотрение про-

блемы в таком духе препятствует ясному и определённом взгляду на историческую науку. Идея прерывности хоть и позволяет лучше понять разнонаправленность исторических исследований, в тоже время лишает взгляд Рикёра единства, порождает неопределённость в построении им универсальной модели исторического повествования. Определённая непроясненность остаётся при использовании им идей структурализма и постструктурализма. Как известно, П. Рикёр долгое время был противником указанных направлений.

Всё это показывает, что создание свидетельства и его последующее изучение в некоторой степени обусловлены традицией, которая не просто задаёт направленность мышления, но и предлагает способы его воплощения в тексте.

Помимо вышеизложенных обстоятельств, главное при встрече со свидетельством – вопрос о доверии, с которым сталкивается историк. Данное затруднение предшествует источниковедческой критике документа, без разрешения которого его анализ проблематичен. Доверие или недоверие увязано с реальностью случившегося. Любой документ утверждает, что нечто произошло и именно так как источник об этом рассказывает. Данное обстоятельство особенно важно, если мы имеем малое количество документального материала.

Большую роль играет самообозначение автора свидетельства, образующего единое целое с документом. В итоге подтверждается реальность события прошлого, удостоверяемая либо присутствием рассказчика при данном событии, либо указанием свидетеля на третьих лиц, заслуживающих доверия, с чьих слов он мог почерпнуть информацию о событии. Так средневековые хронисты Запада могли доносить до нас сведения о произошедшем, лично при этом не присутствовав. В таком случае они уделяли особое внимание указанию того, почему их информатору можно верить. Интересно, что обычно критерием доверия служила знатность человека.

Возникновение свидетельства неотделимо от включения его в текущую социальную жизнь. Происходит такой процесс, в изложении Рикёра, посредством диалога. Можно добавить, что диалогичность здесь происходит по двум направлениям: документ–другой документ и документ–читатель документа (например, профессиональный историк). Сравнение с другими документами ведётся тем же исследователем с целью проверить правдивость источника.

Однако изначально свидетельство имеет устную природу. Некто пережил событие и провёл его первичную рефлексивную в своей памяти. Затем свидетель либо сам захотел придать своим воспоминаниям письменную форму, либо создал документ в виду своих служебных обязанностей, либо рассказал тому, кто захотел написать о событии. Вариантов может быть множество. Так или иначе, свидетельство оказывается записано и помещено в архив. Для памяти это имеет существенное зна-

чение, так как «замена статуса устного свидетельства статусом архивным окажется первой исторической мутацией живой памяти, доступной нашему анализу» [там же, с. 236]. Начиная с этого момента, память обретает форму документа и становится доступна для исторического исследования. Теперь это уже не собственно память, а основа истории как научной дисциплины.

Создавая архивы, человек придумал способ целенаправленно сохранять память поколений и предоставил для исторической науки отличную базу для исследований. Более того, архив как социальный институт задал научной истории определённое направление, покинув которое она перестанет быть наукой.

Следующим поворотным моментом в эпистемологии истории французский философ считает тот статус, которое свидетельство приобретает в руках историка. Речь идёт о понятие «следа», за разъяснением которого П. Рикёр обращается к М. Блоку. Блок в известном произведении [2] представил классическую модель свидетельств, понимаемых им как следы прошлого. Напрашиваются аналогии с отпечатками прошлого в памяти. Отличие в том, что «следы» это не просто образы в сознании, а зафиксированные на определённом носителе свидетельства, письменные и неписьменные.

М. Блок вывел на новый уровень «критику свидетельства», сегодня являющуюся фундаментальной основой исторической науки. Источниковедческая критика наглядно показывает специфику научной истории, лабораторию формирования исторического опыта ещё до его нарративного воплощения.

У свидетельства есть и другая сторона. Непростая история XX в. предоставила не совсем обычный документальный материал. Речь о свидетельствах узников Освенцима и других нацистских концлагерей. П. Рикёр указывает на то, что кроме непосредственной вовлечённости (типично для свидетельства), их авторы были жертвами описанных событий. И это создаёт дополнительные трудности для критики. Как анализировать боль и страдания людей? Французский философ, вслед за разработанной им феноменологией памяти, вводит этическую проблематику в исторический нарратив, причём на стадии подготовки к нему.

Одной «критики» мыслителю недостаточно и он дополняет её «парадигмой улики» К. Гинзбурга. Итальянский историк предлагает подобно Шерлоку Холмсу по второстепенным деталям реконструировать картину прошлого: «Этот тип знания характеризуется способностью восходить от незначительных данных опыта к сложной реальности, недоступной прямому эмпирическому наблюдению. Можно добавить, что эти опытные данные всегда подлежат упорядочиванию, которое ведёт к рождению нарративной цепочки» [5, с. 197–198]. Отметим, что Гинзбург подчёркивает роль нарратива как средства репрезентации сложного анализа исторической реальности. Парадигма улики может быть цен-

ным подспорьем для историка, лишённого возможности наблюдать изучаемую им реальность. Излишне говорить, что экспериментальный подход в истории, в отличие от естественных наук, также невозможен.

Опираясь на данный метод, П. Рикёр приводит ещё один аргумент в пользу исторического рассказа. Повествование в истории выглядит не просто последовательностью предложений описывающих прошедшие события, оно является способом познания прошлого. В качестве улики в научной истории могут выступать особенности почерка, словарного запаса, материал изготовления бумаги и т. д.

Оба исследовательских метода взаимодополняют друг друга и делают из свидетельства активного участника в создании исторического факта. Они превращают след в настоящее документальное доказательство, без которого не обходится историческое повествование. Улики как шифр расшифровываются, свидетельства подвергаются тщательному анализу. Теории Блока и Гинзбурга показывают, что инструментарий историка постоянно развивается, вводятся новые методы, нацеленные на обновление истории. В изложении французского философа две указанных модели приоткрывают дверь в следующую фазу объяснения/понимания.

И начинается она на пересечении с предыдущей. Ведь сами документы отвечают лишь в том случае, если к ним адресован вопрос профессионально подготовленного исследователя. На данном этапе исторические события интерпретируются и объясняются, прежде чем быть представленными на страницах научных статей и монографий. Предварительное объяснение складывается у историка ещё до обращения к архиву. Как правило, оно оформляется в виде гипотезы. По справедливому замечанию философа, «не существует наблюдения без гипотез, не существует факта без вопросов. Документы говорят лишь в том случае, если от них требуется проверить, то есть удостоверить верность той или иной гипотезы» [9, с. 249]. Свидетельство становится свидетельством, если требуется, чтобы оно таким стало, если у историка есть свой вопросник.

Исторический факт также создаётся в ходе объяснения/понимания, чтобы обрести свой законченный вид на этапе репрезентации. Важно подчеркнуть, что, по выражению Рикёра, «факт – это не событие», а «содержание высказывания» историка, появляющегося как раз в фазе объяснения/понимания. Он не само прошлое, а его отпечаток, подтверждённый документально. С помощью объяснительных процедур исследователь поясняет значение самих фактов, а также выстраивает их в определённом смысловом порядке. В истории не существует предпочтительного способа объяснения, поэтому каждый специалист может выбирать те из них, которые наилучшим образом подходят для предмета изучения. Так К. Гинзбург предпринял попытку реконструировать биографию и мышление фриульского мельника XVI в. [6], выступившего против общепринятого мнения. Для решения данной за-

дачи итальянский медиевист избрал микроисторический масштаб и привлёк протоколы допросов средневекового диссидента. Такой подход не исключает макроисторического среза, но всё же объяснение здесь строится по-иному.

Особенностью философского взгляда П. Рикёра является объединение в единое целое понятий «объяснение» и «понимание». По мысли философа, понимать – значит объяснять, а объяснять – значит понимать. Чем искуснее историк делает что-то одно, тем, автоматически, лучше получается другое. К сказанному примыкает понятие «интерпретация», которое исследователь использует для обозначения смысловой направленности второй части историографической операции.

Выбор понятий принципиально важен для второй фазы. Они являются связующим каркасом для исторического рассказа. Именно через сетку понятий строится объяснение событий прошлого. Специфику научного словаря в истории Рикёр показывает на примере «ментальности» школы «Анналов». Философ подчёркивает расплывчатость данного понятия, сложность его однозначной трактовки. Ментальность одновременно определяется и как предмет изучения, и как способ объяснения, и как социальная категория. Это заметно затрудняет научный поиск. Решение проблемы исследователь видит в замещении ментальности понятием «репрезентация».

Репрезентация для французского мыслителя означает то, как историк раскрывает перед читателем предмет исследования и то, какой масштаб при этом выбирает. В качестве примера приводятся работы Ф. Броделя [3] и К. Гинзбурга [6]. Бродель изучал явления экономического и географического порядка, такие как история Средиземного моря и окружающих его земель. Логичным при этом оказался выбор макроисторического масштаба. Гинзбург наоборот сосредоточился на биографии одного мельника и выбрал для этого микроисторический масштаб. В обоих случаях затрагивается история Италии. Только у Броделя она не так заметна на фоне огромного региона, а у Гинзбурга наоборот сведена до истории отдельной личности в конкретной деревне. В этом, по словам Рикёра, и состоит одно из преимуществ смены масштабов. Мы видим одну и ту же страну, то под увеличительным стеклом, то под микроскопом. На микроуровне становятся лучше видны детали, отдельные люди, тогда как макроуровень лучше показывает общий ход исторического процесса. Выбор микроистории иногда обусловлен и другими обстоятельствами. При изучении незнатных слоёв населения в Средние века и Новое время историк сталкивается с недостатком источников. И только благодаря нестандартным ситуациям (в данном случае суду над фриульским мельником) становится возможным рассказать об их жизни.

Дополнительно философ прибегает к сравнению с архитектурой, чтобы образно продемонстрировать своему читателю как вновь созданный нарратив взаимодействует со своими предшественниками: «Исто-

рический дискурс предстоит выстроить в виде завершённого творения; любое творение вписывается в уже отстроенное окружение. Прочитать прошлое заново – это тоже реконструкция, подчас ценой сноса, который нам дорого обходится; строить, сносить, строить заново – вот что большей частью делает историк» [9, с. 296]. Урбанистическая метафора показывает, что любой труд историка сразу попадает в пространство интрасубъективных связей, которое к тому же постоянно меняется.

С помощью образно-метафорических сравнений из областей географии и архитектуры Рикёр раскрывает суть объяснения/понимания и как отдельной историографической процедуры, и как составной части исторического повествования. Он также показывает внутреннюю лабораторию историка, творческие особенности создания научной истории. Без этого непонятны особенности исторической репрезентации прошлого.

Рассмотрим теперь специфику самого исторического рассказа, чьё создание завершается в третьей фазе историографической операции. На этом этапе история полностью превращается в текст. Становится очевидным литературный характер исторической науки. Вопрос о том, какая это литература один из главных в учении французского философа.

Чтобы в нём разобраться необходимо начать с причин, побуждающих создавать исторические произведения. Историк совершает свой труд не только ради удовлетворения профессионального интереса. Он преследует чёткую цель – придать огласке свои изыскания в форме научной статьи, монографии или беллетризованного сочинения. Поэтому первой причиной является необходимость объяснить ход и смысл событий прошлого. Особенность будущего читателя в том, что он должен быть просвещённым человеком, чтобы не только воспринять научный текст, но и понять его, суметь в последующем пересказывать его содержание кому-то иному. Вторая причина – это потребность самоидентификации сообщества и расширения его знаний о других социальных группах. Третья причина – фиксация исторического опыта с находящейся в его основе коллективной памятью. Четвёртая причина – сохранение памяти о прошлом, выявление её назидательного значения для нынешнего поколения. Ещё одна из важнейших причин – организация обсуждения, дискуссии, сравнение мнений и оценок на одни и те же события.

Перейдём к особенностям исторического повествования. В числе первых стоит сказать, что события в нём тесно связаны с причинно-следственными объяснениями и метафорическими образами. Имеет место так называемая нарративизация события прошлого: «Если событие – фрагмент рассказа, оно разделяет его судьбу, и не существует того базового события, которое могло бы избежать нарративизации» [там же, с. 339]. Исходя из этого высказывания, часто озвучиваемые призывы к тому, чтобы создать историю одних лишь фактов и вынести оценки событий выглядят определённым лукавством. Подобные рассуждения

смыкаются у Рикёра с высказанной ранее идеей о создании исследователем исторического факта.

Второй особенностью является аккумуляция посредством создания, а затем презентации исторического рассказа, временного опыта социокультурного сообщества, и последующее его расширение, переустройство, а главное – формирование традиции, влияющей на идентификацию социальной группы внутри и вне себя. В свою очередь традиция составляет стержень культуры, основу для её развития.

Третьей особенностью служит то, что нарратив в научной истории является способом научного познания, формируемого профессиональным сообществом историков, прошедших соответствующее обучение. Это затрудняет его восприятие. Такая исследовательская деятельность осуществляется в рамках определённых научных институтов, доступ в которые рядовых членов сообщества не всегда открыт.

Четвёртая особенность – смысловое обогащение прошедшего события под влиянием текущей исторической ситуации. На это обратил внимание Б. Губман: «Приобретая в нарративе новый смысл, прошлое обладает специфическим бытийным статусом в историческом опыте, конституирующем действенно-историческое сознание» [7, с. 209]. В итоге прошлое сообщества становится частью его сознательного мышления, определяющего поведение в настоящем. Так историческая реальность влияет на современную ситуацию. Вопрос о степени такого влияния пока остаётся открытым.

Пятой особенностью исторического рассказа является его соотносённость с реальными событиями прошлого. Этим частично объясняется его притязание на истинность, которое влияет на научный статус истории.

С вопросом правдивости в истории связана проблема признания. Рикёр последовательно отстаивает право нарративной истории на истинность. Здесь он вступает в полемику с американским историком, изучавшим область литературных тропов, Х. Уайтом. Анализируя работы историков XIX в., американский исследователь говорил об определяющей роли литературного повествования в историческом рассказе, почти полностью сближающим его с художественным рассказом: «Пока историки продолжают использовать обычные грамотные речь и письмо, их репрезентации феноменов прошлого, равно как и мысли о них, останутся “литературными” – “поэтическими” и “риторическими” – отличными от всего, что считается специфически “научным” дискурсом» [11, с. 7]. В данном случае Уайт не совсем прав. Язык исторической науки мало похож на быденную речь. Взять хотя бы специфический понятийный аппарат, без использования которого не обходится ни одна работа профессионального историка. Однако как быть с повествованием в истории? В чём его существенное отличие от художественного произведения?

Возникает опасная иллюзия того, что литературная составляющая исторического исследования может заменить соотносённость с до-

кументальным доказательством. Рикёр также изучал сходство и различие исторического рассказа и литературного повествования. Первый часто сталкивается с претензией «нарративистов» на то, что нарративная форма может быть отделена от логико-доказательных объяснений или полностью заменить таковые. Французский мыслитель возражает против такого подхода. По его словам, нет прямой связи между нарративом и реально происходившими событиями. Они связаны только через объяснение, а помимо последнего – через документальную фазу. Такой обязательной соотнесённостью с объяснением/пониманием, а главное с признанными письменными и неписьменными свидетельствами прошлого обосновывается право истории как науки на истинность.

Рикёр, вслед за М. де Серто, считает искусственным разделение повествования и научного дискурса в истории. Как упоминалось выше, у Серто философ не только заимствует терминологию, но и опирается на его понимание неразрывной связи исторического рассказа и научности: «Нарративность присутствует здесь (в дискурсе. – *А.Т.*) постоянно. Не следует ли нам признать её научную легитимность, предположив, что вместо того, чтобы быть тем остатком, который невозможно устранить из дискурса или который ещё не был из него устранён, нарративность составляет его необходимую функцию и что теория повествования неотделима от теории практик как её условие и одновременно как её производство» [10, с. 167]? Рикёр отвечает утвердительно на вопрос, поставленный своим коллегой, так как литературная часть истории не просто тесно связана с её исследовательской составляющей, а служит необходимым условием научной практики. С таким взглядом философа можно согласиться.

Роль повествования не исчерпывается формированием научной традиции. По мнению И.С. Вдовиной, назначение нарратива в философии мыслителя несколько шире: «Здесь центральное место мы отведём – и это соответствует убеждению самого Рикёра – повествовательной функции, которая, по мысли самого философа, составляет существо всеобщего человеческого опыта, его деятельности в культуре и истории» [4, с. 286–287]. И.С. Вдовина подмечает фундаментальную функцию повествования – формировать человеческий опыт. Сюда входят множество практик, частью которых является занятие исторической наукой. Мир нарратива видится Рикёру очень обширным и он сознательно сосредотачивает своё внимание на истории как научной и учебной дисциплине.

Важной частью учения французского мыслителя является рассмотрение механизмов литературной организации исторического рассказа. Ключевые понятия в его философии *mimesis/mythos*. *Mythos* (интрига) выполняет целый ряд задач в повествовании. При помощи неё события прошлого, а точнее их профессионально обработанные отпечатки, упорядочиваются в единый логический ряд. Дело в том, что во-

енные походы, рождения королей, издание законов и т. д. в реальности выстраиваются в простом хронологическом порядке. Когда они рассказываются, то располагаются в согласованной последовательности. Вот почему представитель философской герменевтики называет интригу «моделью согласия». Последствием такого согласования становится появление времени рассказа. Если реальное время обладает своей непрерывностью, не завершено и не имеет точки отчёта, то рассказанное время имеет начало, середину и конец, обладает своей завершённостью. Пространство рассказа также, в отличие от реальной географической сетки, ограничено и локализовано в определённом месте. Дополнительно, интрига способна объединять общим смыслом структуры и события. Например, упоминание структуры эволюции государственного аппарата может быть вписано в повествование о реформе.

Выше упоминались спекулятивные хронософские представления о времени, используемые историком в своей работе. К ним добавляются идеальные смысловые конструкции (здесь уместно вспомнить теорию идеальных типов М. Вебера), не встречавшиеся в прошлом. Исследователь, рассказывающий о феодализме, может сочетать эту конструкцию с любыми событиями на его выбор. В итоге получается, что интрига синтезирует разнородный материал в единую повествовательную картину. Тем самым *mythos*, по словам французского философа, находит нечто универсальное в разнообразном хаосе прошедших событий: «Сочинять интригу – значит уже выводить интеллигибельное из случайного, универсальное из единичного, необходимое или вероятное из эпизодического» [8, с. 53]. Такая универсализация необходима для понимания прошлого, включения исторического опыта в совокупность интересующих связей, в единое пространство культуры.

Важным моментом в понимании интриги является её взаимоотношения с действием и действующими лицами. Динамику реально происшедших событий необходимо отразить в рассказе. В изложении П. Рикёра *mythos* не что иное, как важная часть репрезентации действия. Репрезентируется не само действие, а его отпечаток, прошедший через память и первые две фазы историографического исследования. Таким образом, наблюдается реконструкция некогда живой динамики прошлого.

Следующим важным звеном концепции Рикёра выступает понятие персонажа или действующего лица рассказа. Исторические характеры являются такой же неотъемлемой частью интриги, как и само описание событий прошлого. Философ различает персонажей действующих и тех, кто переживает действие. Но всё же главная роль отдаётся реконструированию событий прошлого.

Один из важнейших аспектов интриги – это её эпистемологическое значение, подмеченное Рикёром. Интрига призвана вызывать интерес к рассказываемым событиям, доставлять читателям эстетическое удовольствие и повышать мотивацию к изучению прошлого. За счёт

этого расширяется количество образуемых intersubъективных связей и лучше усваивается исторический опыт сообщества.

Mythos и репрезентация действия рассматриваются на более широком фоне подражательной деятельности. Для её обозначения французский философ пользуется понятием *mimesis*, которое заимствует у Аристотеля. Античный философ в «Поэтике» изучил проявления миметической деятельности в литературе: «Именно, подражать в одном и том же и одному и тому же можно, рассказывая о событии, как о чём-то отдельном от себя, как это делает Гомер, или же так, что подражающий остаётся сам собою, не изменяя своего лица, или представляя всех изображаемых лиц как действующих и деятельных» [1, с. 150]. Подражание изначально рассматривалось как принадлежность художественной литературе. Рикёр распространяет теорию миметической деятельности и на исторический рассказ. Для него он разрабатывает теорию тройственного *mimesis*.

Mimesis-I означает предпонимание истории и основывается на повседневном опыте человека. Сюда входят человеческие чувства, предрассудки и стереотипы, формируемые социальным окружением. Философ говорит о практическом и нарративном понимании. Первое означает восприятие действия как такового (например, некий полководец дал сражение противоборствующей армии). Второе свидетельствует о понимании тех синтаксических и грамматических средств, с помощью которого об этом рассказывается. К такому описанию добавляются «дискурсивные характеристики» рассказа, благодаря которым он уже не является простой совокупностью связанных между собой предложений. В качестве таких характеристик выступают все идеальные мыслительные конструкции, применяемые историками для объяснения исторической реальности. Понять битву – значит вписать её в военную кампанию, военную кампанию – в международные отношения того времени, международные отношения – в совокупность социальных институтов, политического устройства, экономических и духовных установок соперничающих держав, т. е., по словам мыслителя, выстроить «символическую сетку культуры». Создание такой системы основано на предпонимании действий прошлого в их соотносённости с настоящим. Такая сопряжённость, по мысли Рикёра, строится на семантике действия, его символике и временности: «Теперь мы видим смысл мимесис-I во всём его богатстве: подражать действию, или репрезентировать действие, – значит прежде всего пред-понимать, что есть в нём от человеческого действия: его семантики, его символики, его временности. На этом предпонимании, общем для поэта и читателя, и базируется построение интриги, а с ним текстуальная и литературная миметичность» [8, с. 79]. Таким образом, пара *mimesis/mythos* проявляет себя изначально, базирясь на онтологической укоренённости истории. Однако философ на раннем этапе своего творчества не проводит чёткого разграничения между историческим рассказом и литературным повествованием. Поэтому

возникает иллюзия понимания специфики исторического исследования как, главным образом, литературного процесса. Устраняется опосредованная связь с прошлым.

Mimesis-I показывает отношение сообщества к прошлому, то насколько велика его роль в текущей социальной жизни. Уровень изначального понимания прошедших событий значим и для создания исторического повествования и для его восприятия читающей аудиторией.

Mimesis-II – это собственно мир композиции нарратива, художественного или исторического. На данной ступени события прошлого конфигурируются в определённой логической последовательности и сочетаются с абстрактными мыслительными моделями, применяемыми в научной истории. Именно здесь в полную силу проявляет себя интрига (mythos). Исторический опыт становится полностью артикулированным нарративной традицией и представляется читателям для восприятия. Основная проблема состоит в оправдании притязаний истории на истинность. Рикёр указывает на то, что литературная составляющая истории как учебной и научной дисциплины, не может подменить собой обязательную соотнесённость с документальной базой и логико-доказательным объяснением. К тому же исторический рассказ соотносится с реальными событиями прошлого, тогда как художественное произведение представляет собой мир вымысла, не имеющего опоры в исторической реальности.

Mimesis-III означает непосредственное восприятие произведения историка и включение заложенного в нём смысла в текущий временной опыт. Исторический опыт на данном этапе начинает обогащаться и переустраиваться. Научная история вновь приближается к своим онтологическим основаниям.

Рассмотренные выше три фазы историографической операции показывают специфику исторического повествования в учении П. Рикёра. Важная часть создания исторического нарратива – это сложная подготовка к написанию текста, состоящая из поиска свидетельств (источников), их критики и только потом включения в исторические труды. На всех этапах этого пути память (в основном коллективная) изменяется до неузнаваемости. Временной опыт сообщества превращается в исторический опыт, который разными гранями представлен в коллективной памяти, в свидетельствах прошлого и достигает завершённого вида в историческом повествовании. Научная история представляет собой возможность для переустройства и обогащения исторического опыта, а не просто является способом его окончательного оформления.

Мыслитель предложил свою модель исторического рассказа, общую для всех вариантов его исполнения. Главную роль в учении философа играет пара mimesis/mythos. Посредством интриги организуется ткань исторического повествования. Три уровня mimesis демонстрируют не только технологию подражания действиям в прошлом, но и на-

глядно показывают реконструкцию прошедших событий, а вместе с ней эволюцию исторического опыта, его постоянную перестройку под влиянием текущего момента жизни. К недостаткам концепции мыслителя можно отнести отсутствие чёткого разделения фаз историографической операции (документальная, объяснение/понимание и историческая репрезентация) и недостаточную проработку проблемы языка. Первое замечание можно объяснить сложностью создания любых моделей эпистемологии истории, взаимопересечением всех уровней историографического исследования. Второй момент нуждается в дальнейшем изучении, так как языки за счёт непохожих грамматических структур и лексического запаса формируют отличное друг от друга отношение ко времени и по-разному передают семантику исторических событий.

Неоднозначным моментом служит обращение П. Рикёра к двум противоположным философским традициям: континентальной, представленной М. де Серто, М. Фуко и другими авторами, и аналитической, показанной на примере Х. Уайта. Понятна цель философа – синтезировать лучшее, что есть в каждой из них. Однако использование столь разнородного материала порождает и трудности. Дискурс исследователя становится мозаичным, теряет свою цельность и единство. Эпистемология истории в его изложении становится излишне детализированной, хотя Рикёр при этом стремится к максимально подробному анализу. Перспективными представляются выявленные французским философом существенные отличия исторического рассказа от художественного произведения, а также последовательное отстаивание права истории на истинность.

Список литературы

1. Аристотель Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.
2. Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1986. 255 с.
3. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 т. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 426 с.
4. Вдовина И.С. Феноменология во Франции. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.
5. Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004. 348 с.
6. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
7. Губман Б.Л. Х.-Г. Гадамер и П. Рикёр: исторический опыт и нарратив // Поль Рикёр: Человек – общество – цивилизация. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2015. 392 с.
8. Рикёр П. Время и рассказ: в 2 т. Т. 1. М.; СПб.: ЦГНИИ ИНИОН РАН: Культурная инициатива: Университетская книга, 2000. 313 с.

9. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
10. Серто М. де Изобретение повседневности: в 2 т. Т. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
11. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во уральского университета, 2002. 528 с.
12. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.

THE SPECIFIC CHARACTER OF HISTORICAL NARRATIVE IN P. RICOEUR'S HERMENEUTICS

A.V. Tashkin

Tver State University, Tver

The article is aimed at the analysis of P. Ricoeur's hermeneutical interpretation of the historical narrative. It reveals his vision of historical writing from the stage of archive analysis up to composing narrative. Thus, the past reconstruction in history is understood as a purposive activity related to the social community self-identification, as well as to accumulation and permanent renovation of the historical experience.

Keywords: *epistemology of history, historiographical operation, mimesis, mythos, historical narrative, memory, chronosophy, historical experience, representation.*

Об авторе:

ТАШКИН Андрей Васильевич – магистр истории, аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: ntrickster@mail.ru.

Author information:

TASHKIN Andrey Vasilyevich – Ph.D. Student of the Dept. of Philosophy and Cultural Theory, Tver State University, Tver. E-mail: ntrickster@mail.ru